

МЫТИЩИ

Николай Воронцов-Вельяминов

а пятнадцатой версте от Крестовской заставы на Троицком (Ярославском) шоссе стоит многим знакомое село Большие Мытищи. Почти все богомольцы, едущие и идущие в Сергиевскую Лавру, останавливаются там, чтобы напиться чрезвычайно вкусного чаю или необыкновенно чистой и свежей воды. Известно, что Мытищи снабжают водой все Московские фонтаны посредством знаменитого водопровода, на месте же эта вода имеет особенно приятный вкус и ничем незаменимую свежесть. Шумно и весело живут в Мытищах. Экипажи и пешеходы беспрестанно встречаются или обгоняют друг друга. То едет тяжелый длинный тарантас, нагруженный огромною семьею московского торговца, то лихая почтовая тройка мчит бульварного франтика, то извозчичья четвероместная карета пробирается маленькой рысью, и из окон ее выглядывают головки в беленьких гладких чепчиках, то едет мастеровой, держа на палке через плечо свое платье—много, много едут и идут, и все они за мостом, на середине села подвергаются истинному нападению.

Нападение это не страшно, но оригинально. Завидя издали приближающийся экипаж, десяток или два деревенских девушек стремглав к нему бросаются и наперерыв зовут откушать чаю.

«Ко мне, барин... к нам, сударыня... вот мой столик под березками... откушайте чайку...»

Эти слова, мешаясь меж собою и часто сопровождаемые легкими толчками и потягиванием за платье, совершенно сбивают с толку проезжего. Иногда даже против желания вылезает он из экипажа и, окруженный толпою этих девушек, идет к какому-нибудь столу. Тут его сажают на лавочку и заставляют пить чай, в чем он после и не раскаивается, потому что, повторяю, чай в Мытищах необыкновенно хорош, а русский человек чаек любит.

Сцены эти повторяются беспрестанно и бывают презабавные.

Однажды на мосту остановилась запряженная парой тележка, в одно мгновение толпа девушек окружила ее со всех сторон. На козлах сидел здоровый краснощекий парень в рубашке и, улыбаясь, оборачивался то направо, то налево. Вероятно, ему нравилась эта налетевшая фаланга, и он отпускал избранным своего рода любезности. Лошади стояли очень смиренно. В корню была маленькая исхудалая чахлая лошаденка, вероятно, исправляющая должность водовозки, а на пристяжке большой гнедой буцефал, конечно, парадер, на котором возят хозяина в лавку. Низенький толстый купец, сидевший в тележке, был просто вытащен чайницами. Они в полном смысле облепили его со всех сторон, и эта разноцветная масса, кружась, придвинулась под березки.

— Пустите душу на покаяние,— говорил купец, вырываясь из середины девушек.

— Чайку напейся...— мытищинского,.. нет, купец, садись-ко... вот тут... тут сядь...— раздавались звонкие голоса, и купец был силою посажен на лавку.

— Затормошили, проклятые,— говорил он, отирая клетчатým платком лоб и бороду.

— Вы чайку попить?..— спросил у него проезжий, против которого его поместили.

— Помилуйте-с, вовсе не желаю, силком притащили мошенницы, что будешь с ними делать?.. У меня и чаю-то с собою нет, еду в Пушкино на фабрику... дельце случилось...

— Так зачем же вы здесь остановились?

— Да вот дураку-то вздумалось пристяжную попить, а они и нахлынули.

— У нас чай свой есть... мы тебе соберем,— кричали стоявшие вокруг них девушки,— всего-то пяталтынный дашь...

— Ну что ж,— сказал ему сосед,— уж раскутитесь, чай здесь превосходный...

— От креста, от чаю-с,— говорил купец,— да видно от них не отделаешься. Ну, давай ты, помоложе, как тебя? Параша, что ли?

В. Г. Перов. Чаепитие в Мытищах, близ Москвы. 1862 г.

—Ишь... Аксюша...

Чай был подан, и прошло более часа, а купец все еще сидел за чайным столом. Он уже снял картуз свой и частенько вынимал клетчатый платок из кармана.

Под праздник между экипажами, едущими в Мытищи, непременно встретишь тележки, из которых выглядывают ружья и собаки, если последние не бегут около. Это едут охотники.

Для охотника Мытищи привлекательны своими болотами. Село пересекается рекой Язуй, которая верстах в четырех и берет свое начало. Оба берега реки представляют собой широкие, довольно топкие болота, местами чистые, местами поросшие кустами и кочками. Влево от Мытищ эти болота сопровождают Язу до села Тайнинского, кроме них по эту же сторону села идет до деревни Рупасова болотная низина, образуемая небольшой безымянной речкой, впадающей в Язу. По правую сторону села болота идут до самого истока реки, места,

называемого Бочагами, и продолжают за ними до дороги Остромынки, где кончаются в седьмой части Лосино погонного острова. Этот замечательный по древности и пространству лес протянулся от Сокольникового поля до самых Мытищ; по одной стороне его идет шоссе, по другой — помянутые нами болота. От Бочагов вверх болота доступны не для каждого охотника, надо знать хорошо местность, чтобы не заблудиться на этом огромном пространстве. Охотиться по всему болоту невозможно, есть такие крепи, т. е. частые кусты и огромные кочки, что зашедши в них, рискуешь оттуда не выйти.

Назову места, доступные для обстреливания по правой стороне Мытищ. Сначала болотистый довольно чистый луг по обеим сторонам реки, не слишком частые кусты по левому берегу до урочища, называемого старым селом, далее Бочаги, потом круглое болото, чистое болото, Жуковские канавы и площадки в седьмой части.

Старожилы говорят, что в этих болотах дичи было чрезвычайно много, но в настоящее время количество ее уменьшилось, хотя, впрочем, и теперь редкий охотник возвращается отсюда без хорошего поля.

Никуда в окрестностях Москвы не ездят охотники в таком количестве, как в Мытищи. Недалекое расстояние, хорошая дорога, спокойное и чистое помещение, возможность достать порядочную пищу и, наконец, этот веселый чай, о котором упомянули мы выше,— все это, при надежде найти дичь, манит охотника. В Петров день, день открытия охоты, иногда сходятся сюда человек двадцать стрелков разного чина и звания. Одни приехали тройками, другие в одиночку, некоторые пришли пешком, а иные доехали за гривенник на попутной мужицкой телеге. Двухэтажный постоялый двор у моста—любимая пристань всех охотников, и под Петров день все комнаты набиты стрелками.

Постоянным посетителем Мытищ бывает один Николай Дмитриев сын Грачев. Скажу несколько слов об этом замечательном охотнике. Лет пятидесяти от роду, высокий мужчина, седоватые редкие волосы, довольно правильные черты лица и крепкое телосложение—вот его наружность. С юных лет занимается он охотой с ружьем и ни разу не изменил этому любимому своему занятию, хотя в жизни перешел многие ступени общества, беднел и богател замечательно, но не об этой жизни его хочу говорить я. Мытищинские болота изучил он, как свою комнату, потому что несколько лет кряду жил в них целую осень. Беззаботно гуляет он по болотам, кажущимся для других непроходимыми; мелкие места в реке, удобные для перехода, замечены у него или кольшком, или кустом особенного вида. По дорожкам, иногда очень длинным, лежат у него небольшие деревья для отдохновения; приволочь их из лесу для этой цели не кажется ему несколько затруднительным. Никто из московских охотников не убил столько дичи, сколько он. При знании местности он отлично стреляет и имеет всегда добрую собаку.

Приезжаем ли мы из Москвы вместе или встречаемся в Мытищах, но уже всегда занимаем одну с ним комнату и вместе охотимся. Расскажу, как однажды провели мы с ним Петров день в Мытищах.

Приехали мы по обыкновению с вечера, чтоб не упустить утреннего поля, и сели пить чай на открытом воздухе. Кроме Грачева, был со мною еще один молодой

человек, отправлявшийся в первый раз на охоту с порядочным ружьем, но с не бывшею никогда в поле собакой. Г. Скворцов, так назовем мы нашего юношу, поехал с нами, чтоб испытать свои способности к охоте. Бегавшие около ворот легавые собаки показывали, что мы приехали не первые. Почти вслед за нами подъехали еще длинные дорожки тройкой, и шестеро охотников с шестью собаками пошли на постоялый двор.

— Плохо, брат Николай Дмитрич,— говорил я Грачеву.

— А что-с?

— Да видишь, сколько наехало.

— Не бойся: нашей дичи не убьют. Ведь эти господа далеко не пойдут, походят по лугу, а на лугу-то взять нечего.

— Все-таки надо пораньше встать, чтоб не идти по их следу.

— Я встану раньше всех,— перебил его молодой человек,— и всех вас разбуджу.

— Ну, ладно.

— Чай да сахар, господа,— послышался за нами хриплый голос. Оглянувшись, увидел я небольшого роста старичка, всего обросшего волосами. На нем был какой-то странный сюртук с тремя медными пуговицами, на голове теплый картуз, а охотничьи сапоги перевязаны под коленом веревкою. В руках держал он арапник, на который искоса поглядывали две исхудалые легавые собаки.

— А! Фока, здорово,— сказал Грачев.— Ты уж не брешешься?..

— Достатки не позволяют, Николай Дмитриевич,— отвечал пришедший.

— Чьи это у тебя собаки?

— Да вон Антон Филимоныч дал поната-скать. Сучонка-то будет работница, а этот так дураком и останется.

— А ружье-то у тебя где?

— Занес в лавку, положил покуда... Позвольте, господа, чайку чашечку выпить.

Фока был усажен вместе с нами: на охоте нет чинопочитания, полное равенство. Мы посмеялись над некоторыми оригинальностями его выходками и дали ему гривенник, чтоб зашел в капернаум—так называл он питейный дом.

Стемнело уже совершенно, окна постоялых дворов осветились огнями, девушки убрали посуду и самовары, на улице стало пусто. Свистнув собак, отправились и мы на отдых.

Приятные звуки двух пастушьих рожков разбудили нас на рассвете. Какая-то русская заунывная песня, раздавшись громко

Б. М. Кустодиев. Чаепитие

под нашими окнами, стихала за мостом, досылая до нас свои задушевные, бесконечные переливы. Во всех комнатах началось движение, каждый торопился поскорее одеться и не опоздать; только приехавший с нами юный охотник упрашивал нас подождать и напиться чаю. Просьбе его было решительно отказано, и мы отправились на правую сторону Яузы.

— Ишь, как бегут,— говорит Грачев, показывая на трех охотников, подпрыгивавших по аллее,— а мы с тобой не торопясь дело сделаем.

— Да найдем ли дичи-то?.. Время-то раненко...

— Найдем, походим, а уж найдем. Вот видите, в лугу будет много народу, сюда

и заходить не стоит, завернем только в первые кустики да прямо мимо острова в Бочаги. Полазим, а уж толку добьемся.

— Уморим мы нашего новичка,— сказал я, показывая на Скворцова, у которого вчерашняя горячность порядочно поостыла.

— Да ведь будем отдыхать... ничего, пускай привыкает.

В первых кустах, сейчас за селом, подняли мы пару бекасов и положили их в ягдташи. Едва раздался первый наш выстрел, как на лугу с криком поднялось несколько парчибилов и стало виться над собаками бывших в той стороне охотников. Стадо маленьких куличков вскочило под берегом и полетело вверх по реке. Большая кряквовая утка, летевшая прямо на нас с острова,

свернула за дорогу. В болоте началась какая-то жизнь: то слышен выстрел, то зов собаки, то гопонье охотников. (Охотники между собой перекликаются, крича друг другу: гоп, гоп—примечание автора). Как-то непонятно одушевляешься, забываешь все; тягость ружья не существует, оно как будто срослось с рукою; следишь внимательно за собакой и при малейшем намеке ее о присутствии дичи готов стремглаз бежать к ней.

Раздавшийся впереди нас двойной выстрел был знаком, что нас опередили охотники. — Что, брат, Николай Дмитриевич,— сказал я Грачеву,— эти господа пораньше нашего встали. Слышал?

— Слышал, да ведь это небось палят по курочкам, а все-таки лучше выйдем из болота и пойдём.

Сказано,—делано: мы подошли к лесу и пошли опушкою вперед.

— А далеко идти?...— спрашивал нас наш непонятный товарищ.

— А что... уже устали?— спросил нетерпеливо Грачев.

— Нет, я не устал, да вот левый сапог, кажется, промокает...

— Походите-ка, промокнут оба...

В болоте Грачев уже был менее снисходителен. Каждого охотника он судил по себе, и мысль о промокнувшем сапоге казалась ему насмешкою над охотой.

Привыкший к скорой ходьбе его, я с ним равнялся, а бедный новичок едва догонял нас. Пройдя версты две около леса, мы дошли к так называемому углу, с которого идет тонкая дорожка по болоту к Бочагам. Тут решили мы посидеть, чтоб собраться с новыми силами, для этого углубились мы несколько в лес и сели отдыхать на большом срубленном дереве. Слегка закусили и стали курить. Грачев—страстный охотник до курева и не выпускает сигары изо рта. Конечно, сигары эти внутреннего приготовления, но в поле все метет.

Пролетевший мимо нас дрозд ужасно всполошил Скворцова, и, схватив ружье, он побежал стрелять его. Через несколько минут вернулся он очень недовольный, объявив, что «каналья» не допускает.

Докурил папиросу, я предложил двигаться. Водяная дорожка смущала нашего товарища; идя позади нас, он беспрестанно спрашивал, не провалишься ли. Мы советовали ему держаться за кусты и идти краем дорожки. С непривычки в самом деле ходьба тут кажется небезопасною; идешь почти по колена в воде да еще чувствуешь,

что земля под тобою колышется. Не более как через полчаса мы вышли в Бочаги. (Место это названо так по нескольким бочагам, до половины заросшим травой. Из них-то и вытекает Яуза.—Примечание автора). Глазам нашим представилась огромная площадь, окаймленная с одной стороны едва видимым вдали лесом, вся поросшая высокою желтою болотною травой, зеленевшею только вокруг Бочагов. Мелкие кусты, ограничивающие эту площадь с другой стороны, терялись в горизонте. Картина безотрадная. Шагах в ста от нас показалась из травы голова журавля, удивившегося, что незваные гости нарушили его спокойствие. Мы думали стрелять по нем, но собака Скворцова к нему бросилась, подняла его и проводила с лаем очень далеко.

Долго ходили мы по этой площади, нашли только три пары бекасов. Пара улетела, а две пары были убиты. Скворцов прицеливался почти в каждого бекаса, но выстрелить не успевал. Ходил он совершенно около Грачева, чтобы не оступиться в бочаг, все упрекал его, что он не ходит, а бегаёт, и, наконец, решительно объявил, что не в силах идти далее. Оставить его тут одного было невозможно, воротиться с ним домой не хотелось; неожиданная встреча вывела нас из затруднения.

Пока мы придумывали с Грачевым, как помочь беде, недалеко от нас раздался визг собаки. Мы пошли на этот голос и увидели вчерашнего знакомого—Фоку. Он наказывал арапником своего непонятливого питомца.

— Ну, что, с полем ли?...— спросил я его.

— Как же... убьешь с ними что-нибудь,— сказал он, указывая на собак...— То вовсе не ищут, хочу домой идти, надоело.

— Так вот, кстати, захвати с собой барина.

— А вы куда с Николаем Дмитриевичем?..

— Да проберемся в чистое болото.

— Теперь уж недалеко, и я б пошел, да псы-то не ищут.

— Иди-ка в самом деле лучше домой,— сказал Грачев,— сам ты дела не сделаешь, только нам мешать будешь.

Обещание зайти в капернаум убедило Фоку окончательно в необходимости проводить Скворцова до Мытищ, и мы остались вдвоем с Грачевым. Походив еще немного около Бочагов и напившись из них чистой воды, пошли мы далее. На дорожке, ведущей к болоту, вскочила совершенно неожиданно пара бекасов. Собаки шли сзади, ружья были за плечами, и мы не успели сделать выстрела. Побранив себя за

оплошность, попробовали было мы поискать их по сторонам дорожки, но страшные кочки и непроходимость кустов заставили нас вернуться на прежний путь.

Скоро дорожка наша раздвоилась. Та, что шла правее, вела к круглому болоту, мы решились зайти в него. Это болото названо так по своему наружному очертанию: оно представляет собой совершенно круглую площадь, поросшую очень редкими кустами. Пространство его не так велико, как площадка у Бочагов, однако немного менее квадратной версты. Тщательно обошли мы это болото и подняли вывод бекасов, состоявший из пяти штук. Молодые еще плохо летали, все три они были убиты, а из старых один улетел. День был довольно жаркий, ходили мы много, хотелось очень отдохнуть, но устроить это казалось невозможным. Лес был очень далеко, а в болоте нет ни одного сухого местечка. Я подошел к Грачеву и сообщил ему свое горе.

— И вы устали?..— сказал он улыбаясь.— Что ж, отдохните. Видите, шагах в пятидесяти, рябиновый куст; посидите там, а я сейчас приду. Алмазка что-то стал приискивать, да бросил, хочется опять навести его на след.

У рябинового куста нашел я прекрасное место для отдохновения. Кочка, на которой растет куст этот, совершенно сухая, покрыта мхом и занимает квадратную сажень пространства. Сколько раз прошагал Грачев это болото прежде, нежели наткнулся на этот оазис. Скоро подошел он ко мне и объявил, что этот куст уже четыре года, как им отыскан, а показывает его он только приятелям. Жажда мучила нас обоих. Грачев и тут нашелся. Руками выкопал он в болоте небольшую яму, грязная вода сейчас же ее наполнила, он стал ее выплескивать вон, и после нескольких приемов вода оказалась совершенно чистой, и мы напились с большим удовольствием.

Посидев около получаса, отправились мы в чистое болото. Оно отличается от круглого болота тем, что кусты, на нем растущие, гораздо реже, и оно не так широко, как длинно. Было уже за полдень, и собаки искали тупее. Из поднятых трех бекасов убили мы только одного да еще пару водяных курочек. Общим советом положено

было идти домой прямо дорогой через лес, не болотом.

Дорогой пожалели мы, что не побывали под старым селом, оставшимся у нас в стороне, но и сами мы и собаки требовали подкрепления более серьезного, чем получасовые наши отдыхи, которыми мы пользовались. Пройдя верст шесть лесом, добрались мы наконец до дома. Скворцов спал сладким сном и не слышал нашего прихода. Фока на возвратном пути убил утку и продал ее Скворцову за двугривенный.

В Мытищах мы пообедали. Соседи наши заходили к нам осведомляться об удаче, жаловались на собак, друг на друга, хвалили некоторые из своих выстрелов и показали четырнадцать штук дичи, между которыми было только три бекаса.

После обеда пошли мы на левую сторону села под Рупасово. Скворцов отказался нам сопутствовать и занялся покупкой земляники. Было уже шесть часов, когда мы вышли в поле, до вечера оставалось недолго, однако мы успели обойти всю болотную низину до Рупасова. Кроме курочек и коростелей ничего мы не подняли и вернулись домой очень недовольные, хотя в ягдташах у нас и было пять пар коротконосой дичи.

Чай после охоты—большое наслаждение. Соскучившийся без нас Скворцов охотно уселся вместе с нами под березки. В наше отсутствие, по его рассказам, он занимался обучением своей собаки и довел ее до того, что она подавала ему в целости брошенный кусок хлеба. При нас опыт этот неудался, что очень раздосадовало Скворцова. Он до того рассердился, что толкнул собаку сапогом, употребив при этом довольно энергические выражения. Мало-помалу окружили наш столик цветочки мытищинской женской молодежи. Подлаживаясь под деревенский лад, стали было мы говорить им некоторые любезности, но разговор не вялся: то вовсе не отвечали нам, то вместо ответа говорили:

—А что, барин, собака-то не укусит?..— Или:—Ишь, сапоги-то какие длинные!.. а шляпа-то словно у попа.

Вечерним чаем заключили мы нашу охоту и поехали в Москву.

Печатается по изданию:

Н. Н. Воронцов-Вельяминов.
«Рассказы московского охотника». М., 1858.